

О ПРАВЕ АДВОКАТА – ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПОТЕРПЕВШЕГО НА ОБОСНОВАНИЕ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ

А. С. Таран

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева,
Тольяттинский государственный университет*

М. Ю. Жирова, С. В. Юношев

Тольяттинский государственный университет

ABOUT THE RIGHT OF A LAWYER – REPRESENTATIVE OF THE VICTIM TO JUSTIFY THE MEASURE OF PUNISHMENT

A. S. Taran

*Samara National Research University named after academician S. P. Korolev,
Togliatti State University*

M. Yu. Zhironova, S. V. Iunoshev

Togliatti State University

Аннотация: рассматривается вопрос о праве адвоката – представителя потерпевшего обосновывать перед судом предлагаемую меру наказания для подсудимого. Показано, что в научной литературе утверждение о недопустимости для адвоката – представителя потерпевшего вступать в обсуждение вопроса о мере наказания, подлежащего назначению подсудимому, является достаточно традиционным. Такой подход обосновывается прежде всего ссылками на профессиональную этику адвокатов. В связи с этим анализируются исторические, правовые и нравственные истоки данного подхода. Констатируется, что в современных процессуальных реалиях право адвоката – представителя потерпевшего на обоснование предлагаемой меры наказания является неотъемлемой частью реализации им функции обвинения и, как следствие, полномочий обвинителя. В обоснование этой позиции подвергаются анализу соответствующие правовые позиции Конституционного Суда РФ, нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики адвоката.

Ключевые слова: потерпевший, законные интересы, представительство, адвокат, адвокатская этика, функция обвинения, мера наказания.

Abstract: the article deals with the issue of the right of a lawyer – a representative of the victim to justify before the court the proposed measure of punishment for the defendant. It is shown that in scientific literature the assertion that it is inadmissible for a lawyer representing the victim to enter into a discussion of the issue of the measure of punishment to be imposed on the defendant is quite traditional. This approach is justified, first of all, by references to the professional ethics of lawyers. In this regard, the article analyzes the historical, legal and moral origins of this approach. The authors state that in modern procedural realities, the right of a lawyer representing the victim to justify the proposed measure of punishment is an integral part of the implementation of the prosecution function and, as a result, the powers of the accuser. In support of this position, the authors analyzed the relevant legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the Federal Law “On Advocacy and the Bar in the Russian Federation”, the Code of Professional Ethics of a lawyer.

Key words: victim, legitimate interests, representation, lawyer, lawyer ethics, prosecution function, punishment.

В последние десятилетия, особенно с принятием действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, значительно активизировались дискуссии, связанные с реализацией в уголовном судопроизводстве прав и законных интересов потерпевшего, и в частности, предоставленного ему права на получение юридической помощи как составной части права на судебную защиту и гарантии доступа к правосудию (ст. 46 и 52 Конституции РФ)¹. При этом основное внимание в литературе по вполне понятным причинам уделяется адвокату как представителю потерпевшего, поскольку именно профессиональное представительство рассматривается в современных условиях как наиболее действенный механизм, обеспечивающий участвующим в деле лицам реализацию предоставленных им прав².

Адвокат, выступая в качестве представителя потерпевшего, занимает в уголовном процессе особое положение. Он становится в один ряд с государственными органами и должностными лицами, осуществляющими функцию обвинения – функцию, диаметрально противоположную той, которую традиционно выполняют адвокаты в уголовном судопроизводстве, защищая права и законные интересы подозреваемых и обвиняемых. Это вызывает определенные нравственные проблемы, возникающие в процессе деятельности данного участника уголовного процесса, и, соответственно, появление специфических правовых и нравственных требований, которые к нему предъявляются.

Одним из таких положений, традиционно отстаиваемых в научной литературе, является утверждение о недопустимости адвокату-представителю потерпевшего вступать в обсуждение вопроса о мере наказания, подлежащего назначению подсудимому. Такой подход обосновывается прежде всего ссылками на профессиональную этику адвокатов.

Профессиональная этика достаточно последовательно отстаивалась такими выдающимися учеными-процессуалистами, специально

посвятившими свои работы исследованию вопросов профессиональной этики адвоката, как М. С. Строгович, Ю. И. Стецовский, Я. С. Киселев.

В настоящее время она также находит поддержку среди процессуалистов³.

Так, М. С. Мельниковский, говоря о полномочиях адвоката – представителя потерпевшего, указывает: «доказывать и обосновывать необходимость применения к подсудимому более строгой меры наказания адвокат не может, не должен, не обязан...»⁴. В. В. Конин идет дальше, отмечая, что «...согласие адвоката с наказанием, которое предлагает государственный обвинитель, противоречит природе адвокатской профессии»⁵. Аналогичную аргументацию использует также А. А. Воронов⁶.

Таким образом, ученые усматривают нарушение норм профессиональной этики не только в том, что адвокат, представляющий интересы потерпевшего, настаивает на более суровой мере уголовной ответственности по сравнению с предложенной государственным обвинителем, но даже в самом факте высказывания им суждения по данному поводу. При этом указывается, что адвокат – представитель потерпевшего в принципе «...не должен обсуждать вопросы назначения наказания»⁷.

В связи с этим возникает целый ряд вопросов. На чем основана подобная точка зрения? Почему многие ученые ограничивают реализацию адвокатом-представителем потерпевшего возложенной на него обвинительной функции в указанном вопросе? Действительно ли это ограничение обосновано нравственными требованиями, предъявляемыми к представителям данной профессии, и насколько оно оправдано?

Исследование обозначенной проблемы осложняется тем, что она лежит не только в правовой, но и в этической сфере. Между тем, как спра-

¹ См., например: *Синенко С. А.* Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве : теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 418 с. ; *Олейник В. В.* Участие потерпевшего в уголовном преследовании : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020. 228 с.

² См.: *Лазарева В. А., Юношев С. В., Таран А. С.* Адвокат в уголовном процессе. Самара, 2008. С. 50–51.

³ См., например: *Воронов А. А.* Этические проблемы процессуального поведения адвоката – представителя потерпевшего в уголовном процессе // *Адвокатская практика*. 2007. № 1. С. 16 ; *Конин В. В.* Профессиональная этика в деятельности адвоката // *Федеральное законодательство об адвокатуре : практика применения и проблемы совершенствования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 13 июля 2004 г.)* Екатеринбург, 2004. С. 164–165 ; *Мельниковский М. С.* Приемы и методы подготовки адвокатом защиты и осуществление ее в уголовном процессе. М., 1997. С. 30.

⁴ *Мельниковский М. С.* Указ. соч. С. 30

⁵ *Конин В. В.* Указ. соч. С. 164–165.

⁶ См.: *Воронов А. В.* Указ. соч. С. 16.

⁷ *Конин В. В.* Указ. соч. С. 164–165.

ведливо отмечает ряд ученых, в отечественной науке укоренилась традиция решать сложные и неоднозначные этические проблемы «ригористически, исходя из личного понимания морали и нравственности...»⁸, при этом «нравственные оценки... авторами не обосновываются, а лишь провозглашаются»⁹.

Сказанное, на наш взгляд, в полной мере применимо и к оценке характера научной полемики по обсуждаемому нами вопросу. Тем не менее представляется возможным выявить целый комплекс причин, приведших авторов к обозначенной выше точке зрения.

Прежде всего, не стоит забывать, что издавна как в уголовно-процессуальной науке, так и адвокатской среде изначально весьма спорной с точки зрения профессиональной этики считалась допустимость самого участия адвоката в уголовном процессе на стороне обвинения и выполнение им обвинительной функции как таковой¹⁰. Возникновение данного спора уже в свое время объяснялось тем, что «...многолетняя практика укрепила представление об адвокате как о лице, которое защищает лишь интересы обвиняемых, тех, кто совершил преступление, и ему не свойственно защищать пострадавших от преступления, обвинять преступников»¹¹.

Представляется, что оспаривание возможности высказываться по вопросам, связанным с назначением наказания адвокатом-представителем потерпевшего, – это в определенной степени отголосок существования одностороннего взгляда на функцию адвоката в уголовном судопроизводстве, в том числе и выступающего в данном качестве. Не случайно поэтому В. В. Конин, обосновывая вышеизложенную точку зрения, указывает: «Обязанность адвоката – защищать, а не обвинять»¹².

В связи с этим нельзя не обратить внимание на то, что авторы, разделяющие обозначенную

позицию, по сути, пытаются реанимировать, казалось бы, давно закончившуюся дискуссию, в свое время носившую действительно принципиальный характер, о процессуальной функции адвоката – представителя потерпевшего как таковой, поскольку от решения именно этого вопроса зависит и определение позиций по проблемам более частного характера, в том числе той, которой посвящена данная статья.

Как известно, после принятия Основ уголовного судопроизводства 1958 г. и УПК РСФСР 1960 г. целый ряд авторов высказались в том смысле, что действия потерпевшего, а следовательно, и его представителя в уголовном процессе не носят безусловно обвинительного характера; потерпевший в полном соответствии со своим основным процессуальным интересом осуществляет функцию защиты своих прав и законных интересов, нарушенных преступлением¹³. Значительно позднее А. М. Ларин писал в том же ключе об осуществлении потерпевшим и его представителем функции отстаивания интересов личности, пострадавшей от преступления¹⁴. Отметим, что своим основанием данная точка зрения имела не только теоретические конструкции, в конечном счете опиравшиеся на явное несовершенство действующего тогда уголовно-процессуального законодательства, но и позицию правоприменителей в этой части. Так, исследование, проведенное одним из авторов этой статьи, показало, что на вопрос о том, какую процессуальную функцию выполняет потерпевший и его представитель, 53 % судей и 64 % адвокатов ответили – функцию защиты прав и законных интересов потерпевшего; лишь 16 % судей и 12 % адвокатов – функцию обвинения; 17 % судей и 15 % адвокатов считают, что указанные участники процесса одновременно выполняют и функцию обвинения, и функцию защиты прав и законных интересов потерпевшего, а 14 % судей и 9 % адвокатов – содействуют выполнению различных процессуальных функций – обвинения, защиты, разрешения дела судом.

Тем не менее уже в 60–70-х гг. прошлого столетия в научной литературе доминировала точка зрения, что процессуальная функция того или

⁸ Баев М. О., Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Прокурорская тактика. Адвокатская тактика : науч.-практ. пособие. М., 2005. С. 182.

⁹ Бойков А. Д. Этика профессиональной защиты по уголовным делам. М., 1978. С. 164.

¹⁰ См.: Фликер С. Вправе ли адвокат быть представителем потерпевшего // Соц. законность. 1960. № 10. С. 64–65; Воронов А. А. Указ. соч. С. 15–17.

¹¹ Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика. Некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса. Воронеж, 1973. С. 159.

¹² Конин В. В. Указ. соч. С. 164–165.

¹³ См.: Каз Ц. М. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. Саратов, 1968. С. 33; Альперт С. А. Обвинение в советском уголовном процессе. Харьков, 1974. С. 31.

¹⁴ См.: Защита прав потерпевшего в уголовном процессе (сравнительное исследование). М., 1992. С. 62.

иного участника процесса не совпадает с его законным интересом, а является лишь средством обеспечения этого интереса¹⁵. И действительно, в конечном счете каждый участник, имеющий самостоятельный или представляемый интерес, защищает этот интерес. Вследствие этого, по мнению большинства высказавшихся по этой проблеме авторов, объективное направление деятельности потерпевшего и его представителя, т. е. их процессуальная функция, есть обвинение.

На наш взгляд, вопрос об осуществлении адвокатом – представителем потерпевшего функции обвинения в целом должен быть снят с повестки дня, причем не только в правовом, но и этическом плане. УПК РФ прямо называет адвоката – представителя потерпевшего участником процесса на стороне обвинения (п. 47 ст. 5), за ним декларируется право участвовать в уголовном преследовании обвиняемого (ст. 22, ч. 3 ст. 45).

Осуществление адвокатом – представителем потерпевшего обвинительной функции не вызывает сомнения и подчеркивается известными учеными-процессуалистами. Так, М. О. Баев и О. Я. Баев, говоря об адвокате-представителе потерпевшего, указывают что он «не только (а может быть, не столько) защитник, он и обвинитель и защитник в одном лице»¹⁶.

Не вызывает сомнения, что неотъемлемым элементом обвинения является обоснование не только его доказанности, размера причиненного вреда и т. д., но и вида и размера наказания.

Таким образом, в настоящее время обвинительная функция адвоката – представителя потерпевшего как таковая в науке открыто не оспаривается. Однако, как мы в этом уже смогли убедиться, признание адвоката – представителя потерпевшего участником процесса, осуществляющим функцию обвинения, не является для многих ученых достаточным основанием для того, чтобы признать за ним возможность осуществления такого полномочия обвинителя, как обоснование меры наказания.

¹⁵ См., например: *Шейфер С. А., Лазарева В. А.* Участие потерпевшего и его представителя на предварительном следствии : учеб. пособие. Куйбышев, 1979. С. 8.

¹⁶ *Баев М. О., Баев О. Я.* Указ. соч. С. 302. Такая трактовка, правда, также вызывает целый ряд вопросов, поскольку о какой защите в собственном узком смысле слова ведут речь авторы, непонятно. Если речь идет о защите прав и законных интересов потерпевшего, т. е. защите в широком смысле, то, как показано выше, любой участник процесса может быть тогда назван «защитником», что вряд ли правомерно.

Как известно, адвокат призван защищать интересы своего доверителя. При этом он не вправе отстаивать заведомо незаконный интерес последнего (п. 1 ч. 4 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»). Это справедливо и по отношению к адвокату – представителю потерпевшего. В связи с этим еще одним обоснованием анализируемой нами позиции является то, что вопрос о мере уголовной ответственности, определяемой обвиняемому, исследователи выводят за рамки законного интереса потерпевшего.

В частности, отмечается, что «...интересы потерпевшего находят определение в понятии потерпевшего»¹⁷. Из этого делается вывод о том, что реализацией законного интереса потерпевшего является все, что связано с обеспечением прав данного участника процесса в сфере причинения ему вреда (морального, физического, материального). При этом вопрос о виде и размере наказания, назначаемого подсудимому, безоговорочно выносится за пределы вопроса, имеющего хоть какое-то отношение к причинению вреда потерпевшему.

Данная позиция опять же не нова. Еще в работе 1974 г. «Проблемы судебной этики» Я. С. Киселев ставил вопрос, ответ на который казался ему тогда очевидным: «Ведь нельзя же считать законным интересом потерпевшего его желание, чтобы подсудимый был осужден с максимальной суровостью?»¹⁸.

Сразу же бросается в глаза, что для получения нужного ответа на поставленный вопрос автором исподволь допущена подмена одного вопроса совершенно иным. Как сама собой разумеющаяся и не требующая дополнительного обоснования проводится мысль, что интерес потерпевшего всегда и во всем направлен на осуждение обвиняемого с максимальной суровостью. Судебная и следственная практика, по нашему убеждению, не дают оснований для подобного рода выводов. Разве нельзя допустить и не видим ли мы множество примеров на практике, когда обвинительная деятельность потерпевшего и представляющего его интересы адвоката направлена не на «максимально суровое осуждение», а на действительную защиту прав и законных интересов потерпевшего, в том числе

¹⁷ Адвокатская деятельность : учеб.-практ. пособие / под общ. ред. В. Н. Буробина. М., 2001. С. 392.

¹⁸ Проблемы судебной этики / под ред. М. С. Строговича. М., 1974. С. 266.

связанную с назначением осужденному справедливому, соразмерного содеянному наказанию? Впрочем, данный вопрос авторам данной статьи представляется риторическим.

Почему же все-таки потерпевшему отказывают в праве влиять на решение суда о мере наказания? Изучение научной литературы приводит к выводу, что истоком формирования этой позиции является отказ признать потерпевшего самостоятельной процессуальной фигурой со стороны обвинения. Считалось, что обвинение – прерогатива государства. Так, в связи с изложенной проблемой Ю. И. Стецовский отмечал: «Согласно принципу публичности интерес к назначению преступнику того или иного наказания является интересом публично-правовым, относящимся в первую очередь к ведению органов государства»¹⁹.

Осторожное отношение к потерпевшему как обвинителю объяснялось тем, что позиция потерпевшего – односторонняя, считалось, что он утрачивает объективность, предвзят, вследствие чего его представление о справедливости искажено. Между тем кто как не потерпевший, являясь лицом, которому причинен вред преступлением, имеет непосредственное представление о том, какой вид и размер наказания, назначенный обвиняемому, обеспечит социальную сатисфакцию? Возможно, что представление потерпевшего о справедливости назначенного наказания (в данном случае – как соответствие воздаяния деянию) будет существенно отличаться от мнения как прокурора, так и суда, которые, безусловно, более беспристрастны. Но все дело как раз в том, что никто и не предлагает наделять потерпевшего правом назначения наказания, ведь в противном случае речь будет идти уже не о правосудии, а, например, о самосуде, суде Линча и т. п. Но и лишать потерпевшего и, как следствие, адвоката – представителя потерпевшего права донести до суда свою позицию по столь важному вопросу совершенно неправомерно. Решение, в конечном счете, все равно будет приниматься судом как независимым от сторон органом социального арбитража. Но при формировании собственной позиции суд должен учитывать доведенные до его сведения точки зрения как стороны обвинения, так и стороны защиты.

¹⁹ Стецовский Ю. И. Адвокат в уголовном судопроизводстве. М., 1972. С. 149.

Таким образом, следует признать, что назначение осужденному наказанию определенного вида и размера является составной и неотъемлемой частью компенсации причиненного потерпевшему вреда в широком смысле слова.

Тем не менее Я. С. Киселев в свое время указывал, что законный интерес потерпевшего ограничивается «в самом установлении факта причинения вреда, в установлении причинной связи между действиями подсудимого и наступившим вредом», а также «в том, чтобы преступные действия правонарушителя получили законное осуждение, верную оценку»²⁰.

На наш взгляд, ученый не вполне оправданно за рамки «законного осуждения» и «верной оценки» вывел вопрос о мере наказания. Ведь оценка преступного деяния выражается не только в его квалификации, но и в определении вида и размера наказания.

Вывод о необоснованности исключения из сферы законных интересов потерпевшего вопроса о мере наказания, назначаемого обвиняемому, напрямую следует также из правовой позиции Конституционного Суда РФ, высказанной в постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П: «Интересы потерпевшего в уголовном судопроизводстве не могут быть сведены исключительно к возмещению причиненного ему вреда, – они в значительной степени связаны также с разрешением вопросов о доказанности обвинения, его объеме, **применении уголовного закона и назначении наказания** (выделено нами. – А. Т., М. Ж., С. Ю.), тем более что во многих случаях от решения по этим вопросам зависят реальность и конкретные размеры возмещения вреда».

Кроме того, и сам законодатель не может считать, что интерес потерпевшего в сфере определения вида и размера наказания является незаконным, прямо признавая за ним право обжаловать приговор в апелляционном и кассационном порядках, в том числе и ввиду несправедливости наказания вследствие его чрезмерной мягкости или чрезмерной суровости (ст. 389.1, 389.9, 401.1, 401.2, 401.15 УПК РФ, п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»).

²⁰ Проблемы судебной этики... С. 266.

Обратим внимание на положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 (в ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве». В нем рассматриваемый нами вопрос по существу не затрагивается и не разрешается. Однако постановление содержит общие положения, из которых с очевидностью следует вывод о возможности для адвоката – представителя потерпевшего высказываться о предлагаемой им мере наказания. В качестве примера можно привести абзац 2 п. 11 названного постановления: «Потерпевшему, его представителю, законному представителю на любом этапе уголовного судопроизводства должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда свою позицию по существу дела и те доводы, которые он считает необходимыми для ее обоснования».

Итак, совершенно определено включая в сферу законных интересов потерпевшего обоснование и отстаивание им перед судом необходимости назначения осужденному определенного вида и размера уголовного наказания, можем ли мы выводить эти компоненты за рамки полномочий его представителя, если последний – адвокат, ссылаясь при этом на нормы профессиональной этики? Фактически положительный ответ на данный вопрос будет означать лишение потерпевшего права на получение квалифицированной юридической помощи, направленной на реализацию его законных интересов в сфере уголовного судопроизводства. Так, М. С. Мельниковский прямо пишет, что «в случае когда потерпевший настаивает на том, чтобы адвокат принес кассационную жалобу по мотивам необходимости применения более строгого закона и наказания, адвокат может предложить потерпевшему самому написать эту жалобу или обратиться к прокурору»²¹.

Первая часть данного предложения как раз и связана, на наш взгляд, с искусственным и ничем не обоснованным лишением потерпевшего права на квалифицированную юридическую помощь, а что касается возможности обращения потерпевшего по этому вопросу к прокурору, то хотелось бы отметить следующее. Совершенно очевидно, что хотя потерпевший и его представитель присоединяются к государственно-

му обвинителю – прокурору, составляя с ним одну сторону обвинения, противостоящую стороне защиты, тем не менее прокурор и потерпевший со своим представителем действуют совершенно самостоятельно, хотя и в рамках одной процессуальной функции. Потерпевший и его представитель самостоятельно определяют свое отношение к выводам, сделанным лицом, производящим дознание, следователем, самим прокурором или судом. Они могут поддерживать их, идти дальше или не считать правильными и опровергать полностью или частично. Вследствие этого, как и во всех иных случаях, позиция государственного обвинителя с одной стороны, и потерпевшего и его представителя – с другой, по вопросу назначения вида и размера уголовного наказания не только могут не совпадать, но и весьма существенно различаться. Важно лишь, чтобы каждый из этих самостоятельных участников уголовного судопроизводства, не исключая и адвоката – представителя потерпевшего, имел возможность донести до суда свою позицию и поддерживающую ее аргументацию.

Именно из этого посыла совершенно очевидно и исходит законодатель, когда прямо указывает, что право обжалования приговора в связи с необходимостью назначения более сурового наказания принадлежит как потерпевшему, так и его представителю.

На наш взгляд, иная позиция адвоката будет подпадать под запрет, установленный Кодексом профессиональной этики адвоката, согласно которому адвокат не вправе «действовать вопреки законным интересам доверителя» (п. 1 ч. 1 ст. 9), а также «занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле...» (п. 2 ч. 1 ст. 9). Поэтому нельзя признать оправданным с точки зрения профессиональной этики как отказ адвоката в оказании юридической помощи потерпевшему в реализации его законного права, так и осуществление прямо предусмотренного законом полномочия.

Данная позиция вполне разделяется современным адвокатским сообществом. Из опрошенных авторами статьи 31 адвокатов городов Самары и Тольятти ни один не поставил под сомнение свое право как представителя потерпевшего предлагать суду вид и размер возможного наказания для подсудимого. Правда, из тех адвокатов, что фактически когда-либо принимали участие в уголовных делах в качестве представи-

²¹ Мельниковский М. С. Указ. соч. С. 30.

телей потерпевшего (14 адвокатов), лишь шесть адвокатов (43 %) указали, что в своих речах они обосновывали меру наказания. В качестве основной причины отсутствия в прениях такого обоснования адвокаты ссылались на то обстоятельство, что интерес потерпевшего заключался в возмещении причиненного преступлением вреда, а не в возможной мере наказания.

И последнее относительно анализа аргументации оспариваемой нами позиции. В современных условиях в исследовании очень многих правовых и нравственных вопросов мы обращаемся к нашей истории в поисках позитивного опыта, накопленного многими поколениями юристов, основанного на высочайшей правовой культуре, связь с которой была прервана не на одно десятилетие. Это делают и приверженцы исследуемой нами точки зрения. Обосновывая недопустимость со стороны адвоката – представителя потерпевшего высказываться о назначении осужденному того или иного наказания, они приводят выдержку из решения Санкт-Петербургского Совета присяжных поверенных, согласно которому иное решение вопроса якобы «значило бы служить чувству мести своего доверителя»²².

Вместе с тем трактовка данного мнения Совета как признающего недопустимой со стороны адвоката обосновывать вид и размер наказания на самом деле не вытекает из существа данного решения. Указанная позиция была высказана Советом применительно к конкретной ситуации, когда присяжный поверенный принял поручение «с обязательством **неприменно** (выделено нами. – А. Т., М. Ж., С. Ю.) добиваться наиболее сурового наказания» и поддерживал требование о высшей мере наказания вопреки обстоятельствам дела.

Из того факта, что Совет осудил необоснованное требование присяжного поверенного о мере наказания, ни в коей мере не следует, что Совет считал недопустимым со стороны адвоката высказывать позицию о виде и размере наказания в принципе. Скорее, наоборот, следует признать, что Советом было высказано одобрение такой позиции адвоката, но в случае, если

она основана не только на пожелании его доверителя, но и на материалах дела. С такой трактовкой исследуемой нами проблемы нельзя не согласиться.

В завершение хотелось бы еще раз подчеркнуть несостоятельность отказа адвокату – представителю потерпевшего в праве высказываться и обосновывать перед судом свою позицию о мере наказания, полагающуюся подсудимому, по мотивам несоответствия такого поведения требованиям профессиональной этики адвоката.

Библиографический список

Адвокатская деятельность : учеб.-практ. пособие / под общ. ред. В. Н. Буробина. М., 2001.

Альперт С. А. Обвинение в советском уголовном процессе. Харьков, 1974.

Баев М. О., Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Прокурорская тактика. Адвокатская тактика : науч.-практ. пособие. М., 2005.

Бойков А. Д. Этика профессиональной защиты по уголовным делам. М., 1978.

Воронов А. А. Этические проблемы процессуального поведения адвоката – представителя потерпевшего в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2007. № 1. С. 15–17.

Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика. Некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса. Воронеж, 1973.

Защита прав потерпевшего в уголовном процессе (сравнительное исследование). М., 1993.

Каз Ц. М. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. Саратов, 1968.

Конин В. В. Профессиональная этика в деятельности адвоката // Федеральное законодательство об адвокатуре : практика применения и проблемы совершенствования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 13 июля 2004 г.). Екатеринбург, 2004. С. 159–165.

Лазарева В. А., Юношев С. В., Таран А. С. Адвокат в уголовном процессе. Самара, 2008.

Мельниковский М. С. Приемы и методы подготовки адвокатом защиты и осуществление ее в уголовном процессе. М., 1997.

Олейник В. В. Участие потерпевшего в уголовном преследовании : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020.

Правила адвокатской профессии в России : опыт систематизации постановлений Советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики. Составил член Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты А. Н. Марков. М., 1913 / сост.: А. В. Воробьев, А. В. Поляков, Ю. В. Тихонравов ; отв. ред. Ю. В. Тихонравов. М., 2003.

²² Правила адвокатской профессии в России : опыт систематизации постановлений Советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики. Составил член Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты А. Н. Марков. М., 1913 / сост.: А. В. Воробьев, А. В. Поляков, Ю. В. Тихонравов ; отв. ред. Ю. В. Тихонравов. М., 2003. С. 190.

Проблемы судебной этики / под ред. М. С. Строговича. М. : Наука, 1974.

Синенко С. А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве : теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

Стецовский Ю. И. Адвокат в уголовном судопроизводстве. М., 1972.

Фликер С. Вправе ли адвокат быть представителем потерпевшего // Соц. законность. 1960. № 10. С. 64–65.

Шейфер С. А., Лазарева В. А. Участие потерпевшего и его представителя на предварительном следствии : учеб. пособие. Куйбышев, 1979.

References

Advocacy: educational and practical guide / ed. V. N. Burobin. Moscow, 2001.

Alpert S. A. Accusation in the Soviet criminal process. Kharkov, 1974.

Baev M. O., Baev O. Ya. Tactics of criminal prosecution and professional protection against it. Prosecutorial tactics. Lawyer tactics : Scientific and practical guide. Moscow, 2005.

Boykov A. D. Ethics of professional defense in criminal cases. Moscow, 1978.

Flicker S. Does a lawyer have the right to be a representative of the victim // Sots. legitimacy. 1960. No. 10. P. 64–65.

Gorsky G. F., Kokorev L. D., Kotov D. P. Judicial ethics. Some problems of the moral principles of the Soviet criminal process. Voronezh, 1973.

Kaz Ts. M. Subjects of proof in the Soviet criminal process. Saratov, 1968.

Konin V. V. Professional ethics in the activities of a lawyer // Federal legislation on the legal profession: practice of application and problems of improvement : proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg, July 13, 2004. Yekaterinburg, 2004. P. 159–165.

Lazareva V. A., Yunoshev S. V., Taran A. S. Lawyer in criminal proceedings. Samara, 2008.

Melnikovskiy M. S. Techniques and methods of preparing a defense lawyer and its implementation in criminal proceedings. Moscow, 1997.

Oleinik V. V. Participation of the victim in criminal prosecution : cand. legal sci. diss. Omsk, 2020.

Problems of Judicial Ethics / ed. M. S. Strogovich. Moscow : Nauka, 1974.

Protection of the rights of the victim in criminal proceedings : comparative research. Moscow, 1993.

Rules of the Advocacy Profession in Russia: Experience in Systematizing Resolutions of the Councils of Attorneys at Law on Issues of Professional Ethics. Compiled by A. N. Markov. M., 1913 / comp.: A. V. Vorobyov, A. V. Polyakov, Yu. V. Tikhonravov ; ed. Yu. V. Tikhonravov. Moscow, 2003.

Sheifer S. A., Lazareva V. A. Participation of the victim and his representative in the preliminary investigation: a tutorial. Kuibyshev, 1979.

Sinenko S. A. Ensuring the rights and legitimate interests of the victim in criminal proceedings : theoretical, legislative and law enforcement problems : dr. legal sci. diss. Moscow, 2014.

Stetsovskiy Yu. I. Lawyer in criminal proceedings. Moscow, 1972.

Voronov A. A. Ethical problems of procedural behavior of a lawyer – a representative of the victim in criminal proceedings // Advocate practice. 2007. No. 1. P. 15–17.

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Тольяттинский государственный университет

Таран А. С., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

E-mail: topsikt@mail.ru

Тольяттинский государственный университет
Жирова М. Ю., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса

E-mail: zhirovamarin@gmail.com

Юношев С. В., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса

Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, Togliatti State University

Taran A. S., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Procedure and Criminalistics Department

E-mail: topsikt@mail.ru

Togliatti State University

Zhirova M. Ju., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Law and Procedure Department

E-mail: zhirovamarin@gmail.com

Yunoshev S. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Criminal Law and Procedure Department

E-mail: svyunoshev@gmail.com

E-mail: svyunoshev@gmail.com

Поступила в редакцию 08.06.2023

Received: 08.06.2023

Для цитирования:

Таран А. С., Жирова М. Ю., Юношев С. В. О праве адвоката – представителя потерпевшего на обоснование меры наказания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4 (55). С. 226–234. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/226-234>.

For citation:

Taran A. S., Zhirova M. Yu., Yunoshev S. V. About the right of a lawyer – representative of the victim to justify the measure of punishment // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 4 (55). P. 226–234. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/226-234>.